

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

ЭССЕ НА ТЕМУ
«ДЛЯ ЕВРОПЫ РОССИЯ – ОДНА ИЗ ЗАГАДОК СФИНКСА»
(Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ)

Выполнил:
студент II курса
Петрухин Артемий Викторович

Печоры
2023

«Для Европы Россия – одна из загадок Сфинкса». Часто можно услышать о том, что русский человек в отличие от западного, способен вникнуть, прочувствовать представителя любой другой культуры, и дойти в своем понимании до самой сути, понять в чем соль.

Западний человек не ставит себе такую задачу – понять *ближнего*? Западная культура, это культура индивидуалистов? Так ли хорошо понимаем мы «*других*», так ли хорошо мы знаем своих соседей, наших западных, и не только, *партнеров*? И так ли плохо знают на Западе нас?

Данные вопросы все чаще всплывают в последнее время. А может быть они стояли с самого начала рождения российского этноса.

Кто наши родители? Можно смело говорить о том, что у России имеется преемственность Византийская. Что касается духовности, религиозного мироощущения, бесспорно это так. Представим себе докрещенскую Россию. Язычество еще с не оформившимся толком пантеоном богов. Нет письменности, однородности, нет архитектуры как таковой, искусство развивается, но находится на самом примитивном уровне.

На сцену выходят, или выводятся Божией рукой, люди, радеющие за судьбу своего отечества. Люди предприимчивые, знающие жизнь, люди ищущие – наши князья. Они принимают Христианство византийское.

В жизни обычного русского человека, вчера язычника, а сегодня христианина по Благодати, появляются раннее неведомые явления. Центром общественной жизни становится Храм. Политика власти настойчиво и чутко учит своих граждан православной вере. Обычный русич, приходит в храм, и все что он видит, качественно отличается, качественно превосходит то, что у него есть.

Деревянные примитивные идолы, в храме заменены благообразными иконами; сама архитектура храмовая отличается от тех несложных деревянных полуземлянок, которые доселе наблюдал его взгляд; запах обычного промыслового человеческого жилища, запах скота, и всего, что сопутствует этому, в храме заменены на запах фимиама; песни, которые встречались в быту

и имели характер сугубо народный, здесь в храме представлены в академических византийских сложных образцах, самое главное, что русич слышит в них - Слово Божие, и слышит его на родном Славянском языке.

Совокупность всего вышесказанного и формирует русского человека. Русский получил необыкновенно много, и получил это даром. Стал русский этнос наследником Великой Христианской Византии, благодаря чему в последствии и развилась необыкновенная русская архитектура, знаменный распев, иконопись.

С другой стороны, нельзя не сказать и о Западном влиянии на Россию. Что такое Россия? Это Пушкин, Могучая Кучка, Достоевский, русская идея, балет, академизм. Спрашивается, а кого читал наш Александр Сергеевич – читал западных писателей и учился у них. Наши русские композиторы та же самая история, академизм, или система образования — это сплошь западные образцы, неплохо прижившиеся и усовершенствованные на русской почве. Шагнула вперед и русская наука благодаря западу. Взяли все самое лучшее, и прекрасно усвоили, дополнив самобытными русскими мотивами и душевностью.

Таким образом, выходит, что два у России родителя, которые в своё время не поделили что-то и разошлись на Восток и Запад. Если с Востоком все понятно – Византия – мать умерла, а отец - Запад, не желая мириться с материнскими чертами, ненавидит и гонит от себя дитя – Россию, которая уже давно приобрела самостоятельность, встала на ноги, и сама неплохо освоилась в жизни, но никак не желает признать свое отцовство Запад.

Другой образ, который так же напрашивается на ум. Это образ двух наследств и одного наследника. Как видно. Россия получила большое наследство от Византии, и от Запада. Но если Византия уже умерла, успев отдать все, и без остатка, то Запад жив, и планирует прожить еще немало.

Происходит следующее... Со всех сторон Старушку Европу окружили наследнички, все от нее хотят урвать кусок, неблагодарные родственнички и приживальщики это и Африка, и Америка, и Ближний Восток искренне желающие скорейшей смерти ее естественной или противоестественной, но

только если все они давненько обхаживают старушку, и уже войдя в часть наследства умирающей бабушки наделали делов, то Россия честно приумножив состояние, неоднократно кидаясь на помощь Европе, тем самым спасая ее от смерти, честно исполнила сыновий долг заботы и вообще пятую заповедь.

Европа привыкла подозревать своих наследников в измене, вот и встает этот «вопрос Сфинкса», что же за отношение России к Западу, почему она с такой нежностью и заботой, симпатией и пиететом крепко и неотступно пребывает подле смертного одра. Все никак не распознает она, что ответ кроется в человечности.

Можно абстрагироваться от вышесказанного, и пару слов оставить на рассмотрение разницы духовности Запада и Востока.

Игумен «А.» одного известного Российского монастыря делился своим впечатлением от поездки в Рим. По его мнению, итальянцы очень близки с русским по менталитету. Известно, что в православной среде отрицательно в общем—то относятся к Латинянам, и по сути католики находятся на ряду еретиков. Игумена А. удивила следующая картина, на одной из улочек развалился обычный итальянский бездомный, простыми словами – БОМЖ, абсолютно такой же какими бывают бомжи в России, так же одет, и вся атмосфера его местопребывания его уголок на улице, все так же, как и в России. Только происходило это в Риме – в столице Италии. Мимо несчастного проходила католическая монахиня. Бездомный был сильно расстроен, вероятно у него что-то случилось, может быть он был в состоянии алкогольного опьянения, так или иначе, никто не мог ему помочь, никто не остановился, и не поддержал его. Никто кроме католической монахини. Она уселась рядом с ним, разговаривала, обняла (а это дорогого стоит, запах стоит необыкновенно характерный для подобного рода обстоятельств), больной, весь в грязи, в стружьях и ранах, в дорожной пыли, несчастный, убитый жизненными уроками бедняк нашел утешение ни от кого другого, как от католической монахини.

Пораженный игумен А. отошел, надолго сохранив увиденное в своем сердце, чем и поделился. Он сказал еще, что сам, будучи монахом, наверное, не

смог бы приблизиться к такому бездомному, в чистой одежде разместиться рядом, войти в положение несчастного, прожить с ним его жизнь, пусть хотя бы на протяжении четверти часа (примерно столько монахиня просидела подле бедняка), но игумен А. задумался вообще о духовности Западного человека, о духовности Западного христианства. Быть может не так хорошо мы знакомы с ними. Может быть еще произойдет наше знакомство в будущем, когда старушка Европа, разберется, кто из наследников является настоящим ее «дитём» и уже спокойно под чуткой русской опекой будет доживать многая и благая лета!